

УДК 335.257.72(571.1) «1954/1950»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ ЛАГЕРЕЙ МВД ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РОДИНУ: ОБЩЕСОЮЗНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (1945 – 1950-е ГОДЫ)

© 2009 Н.М. Маркдорф

Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета

Поступила в редакцию 13.11.2008

В рамках данной статьи проанализированы особенности государственной (общесоюзной) и региональной политики в процессе репатриации на родину военнопленных Второй мировой войны. На основе широкого круга источников центральных и местных архивов исследованы: основные этапы, специфика, успехи и неудачи репатриации в Западной Сибири, определены количество и национальный состав освобождаемых на протяжении 1945-1950 годов из лагерей, рабочих батальонов и спецгоспиталей военнопленных и интернированных. Репатриация военнопленных из тыловых районов СССР началась сразу после окончания войны в Европе и продолжалась до весны 1955 года. Последние из осужденных военнопленных и интернированных покинули западносибирский регион в конце 1956 г.

Ключевые слова: военнопленные, репатриация, интернированные, лагеря НКВД-МВД, Западная Сибирь, немцы, румыны, венгры, японцы, китайцы, спецгоспитали, рабочие батальоны.

Процесс репатриации военнопленных и интернированных из производственных лагерей, специальных госпиталей и рабочих батальонов Западной Сибири регулировался директивами, приказами, распоряжениями и постановлениями ГОКО, МВД СССР, Совета Министров, СНК СССР и напрямую зависел, прежде всего, от складывающейся социально-экономической и политической ситуации в стране. Данные документы характеризуют планы правительства и Совмина СССР по организации, обеспечению (медицинскому, продовольственному, транспортному, финансовому) освобождения подневольного контингента, содержат причины, количественные и качественные характеристики названного процесса. Государственные постановления и инструкции с ярко выраженным пропагандистским, а главное идеологический подтекстом, были направлены, с одной стороны, на стремление как можно дольше сохранить в стране дешевую рабочую силу, с другой – предполагали воспитание и использование в послевоенном мире новых “сторонников социализма”, а главное, недопущение возвращения в Европу потенциальных противников социалистического строя.

Однако специфику проведения, позитивные и негативные итоги репатриации наиболее показательно отражают региональные отчеты УМВД краев и областей, без изучения и сопоставительного анализа которых невозможно представить процесс репатриации. Особую группу источников составляют строевая отчетность, этапные списки военнопленных, убывающих на родину, позволяющие определить, уточнить количественный и качественный состав репатриантов.

Первые партии военнопленных были репатрированы из лагерей Западной Сибири во второй половине 1945 г. на основании Постановлений ГОКО и СНК СССР¹. Так, из лагеря МВД СССР № 503 было вывезено 2996 военнопленных западных армий² из крупнейшего в Сибири лагеря № 525 (Управление дислоцировалось в г. Сталинске - Новокузнецке) – 3500 человек³; из лагеря № 526 (г. Юрга) – 1243 военнопленных бывшей армии вермахта⁴. На основании приказа НКВД СССР за № 00955 от 13 августа 1945 г. “Об освобождении части военнопленных из лагерей НКВД и спецгоспиталей” были отправлены на родину первые партии иностранных военнопленных из лагерей МВД СССР № 199 г. Новосибирска и № 93 Тюменской области (2022⁵ и 4159⁶ человек соответственно). При этом особым пунктом отмечалась необходимость репатриации в первую очередь румын, венгров, австрийцев, поляков рядового и унтер-офицерского состава; гражданство и точное местожительство которых можно было достоверно установить; используемых не в основных отраслях народного хозяйства; из тыловых лагерей, расположенных в тяжелых климатических условиях и не обеспеченных жильем фондом. В других пунктах приказов были определены порядок, ответственные лица за проведение операции, и устанавливались ее сроки. Начало первого этапа назначалось на 15 августа, окончание - на 15 октября 1945 г.⁷

Фильтрация военнопленных в ходе подготовки к репатриации из лагерей НКВД-МВД СССР Западной Сибири с самого начала проводилась в несколько этапов и в соответствии со следующими критериями. Во-первых, на региональном уровне (но в рамках общесоюзной разнарядки) в лагерях и лаготделениях было определено необходимое количество вывозимых военнопленных. Во-вторых, среди трудоспособного контингента

*Маркдорф Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории.
E-mail: nmark@mail.ru*

выделили хронических больных (прежде всего страдающих дистрофией различных степеней), инвалидов, подлежащих первоочередной отправке на родину. В-третьих, устанавливались возрастные ограничения (как правило, от 60 до 65 лет) репатрируемых военнопленных, от которых своевременно стремились “избавиться” лагеря. В-четвертых, были выявлены военнопленные и интернированные, принадлежащие к войскам СС, СА, СД, гестапо, полевой полиции, жандармерии, члены НСДАП, “Скрещенных стрел”, “Железной гвардии”, а также лица, подозреваемые в совершении воинских преступлений, зверствах над мирным населением на оккупированной территории. В свою очередь, репатриации не подлежала “агентура, представляющая оперативный интерес в целях ее возможного использования за кордоном”⁸, которую предстояло использовать в дальнейшем на обычной работе в условиях тыловых лагерей.

По имеющимся в УМВД материалам было установлено, что среди военнопленных, содержащихся в западносибирских лагерях, имеются реакционно настроенные офицеры, которые в законспирированной форме проводят враждебную работу, направленную на подрыв авторитета Советского Союза. В рамках идеологической доктрины СССР немецких, венгерских, румынских офицеров предполагалось после их возвращения в европейские страны использовать в качестве преданных борцов в деле строительства нового послевоенного социалистического мира. Поэтому одной из первостепенных задач в ходе отбора претендентов на освобождение предполагалось усиление в среде военнопленных агентурной работы, направленной, прежде всего, на пресечение антисоветской профашистской агитации и пропаганды⁹.

Часть военнопленных из Западной Сибири, освобожденных еще во время войны, была передана на формирование войсковых французских, польских, чехословацких, венгерских и югославских национальных частей. Например, в ноябре 1943 г. из тюменского лагеря № 93 были направлены на формирование Румынской дивизии 199 добровольцев¹⁰. По инициативе итальянцев в алтайском спецгоспитале № 1512 в декабре 1943 г. организованы несколько “гарibaldiйских подразделений”, которые отправлялись на фронт для борьбы против Германии. Заявления в подобные части подали 65 итальянских офицеров и рядовых солдат¹¹.

На основании анализа архивных документов можно констатировать следующее. Репатриация военнопленных на родину (как в целом по СССР, так и в Западной Сибири в частности) во второй половине 1945 г. проводилась в летне-осенний период, так как в зимнее время потребовалось бы привлечение дополнительных ресурсов (отапливаемые вагоны, теплое обмундирование и т.п.). Все сформированные из сибирских лагерей эшелоны, отправляемые в западном направлении (Унгены, Сегед (Сигет), Франкфурт-на-Одере, Брест, Фокшаны), содержали как небольшие, так

и очень крупные партии, от 50 до 1500 чел.

Практически весь репатрируемый в 1945 г. контингент состоял из больных и нетрудоспособных военнопленных, так называемых “тотальников фольксштурма”, основная масса которых выбывала из промышленного Кузбасса. С целью создания у большинства контингента лагерей побудительного стимула к повышению производительности и качества труда, лишь единицы здоровых военнопленных из числа передовиков-отличников были включены в списки выбывавших из страны военнопленных. В 1945 г., независимо от физической состояния, из лагерей МВД СССР в Западной Сибири (лагерь № 199 г. Новосибирска) были репатрированы только 56 военнопленных французов¹² (Постановление СНК СССР от 26 июня 1945 г. за № 1497-341) и 1733 военнопленных румына (лагерь № 93 г. Тюмень и № 199 г. Новосибирск)¹³, рядового и унтер-офицерского состава, от 1893-1925 годов рождения (Постановление СНК СССР от 11 сентября 1945 г. за № 2315-599сс). За вторую половину 1945 г. было сформировано 4 эшелона (98016, 98017, 98241, 98415)¹⁴, которые следовали в Румынию через Унгены, Сегед (Сигет) и Фокшаны и 2 эшелона с японскими военнопленными из лагерей Кемеровской области, направляемые в Северную Корею через порты Посыет и Сейкосин¹⁵.

В 1945-1946 годах репатриация проводилась непосредственно органами МВД СССР. В 1947 г. подлежащие репатриации военнопленные передавались МВД СССР Управлению Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации. В рамках приказов и распоряжений МВД СССР¹⁶, в том числе Постановления Совета Министров от 18 июня 1946 г. № 1263-519сс, в 1946-1947 годы репатрировались также главным образом больные, инвалиды и “хроники” из лагерей, рабочих батальонов и спецгоспиталей Западной Сибири. В соответствии с приказом Министерства внутренних дел СССР для комиссования нетрудоспособного контингента в западносибирских лагерях повсеместно были созданы отборочные комиссии под руководством ответственных работников УМВД краев и областей, с привлечением врачей, сотрудников политаппаратов, оперативных и отчетных отделов Управлений лагерей. С назначенными в комиссии сотрудниками был проведен тщательный инструктаж с подробным изучением положений и приказов МВД СССР и даны конкретные указания по их выполнению к 20 июля 1946 г. Отбор и подготовка к отправке кандидатов на освобождение проводились в условиях строжайшей секретности, под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальных оздоровительных лагерных отделениях и сокрытия происходящего от остальных военнопленных, оставшихся отбывать свой срок. О цели перемещения репатрируемым объявлялось непосредственно в пути следования эшелона при приближении к государственной границе¹⁷. Перед отправкой за рубеж физическое состояние кон-

тингента в эшелонах подлежало дополнительной проверке¹⁸. В приложении к приказу министра внутренних дел Союза СССР № 00601-1946 г. в списке 23-х республик, краев и областей, из которых вывоз военнопленных планировался в первую очередь, зафиксированы все области и края западносибирского региона. За июнь-август 1946 г. предлагалось репатриировать 2 570 лиц немецкой и иных западных национальностей из лагерей и спецгоспиталей Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской и Тюменской областей¹⁹ и 140 интернированных (Кемеровская область) отдельного рабочего батальона № 1104²⁰, что объяснялось “неблагополучными” медико-санитарными показателями, которыми отличались к началу 1946 года все западносибирские лагеря. В рамках данных приказов на 1946 г. ОПВИ УМВД установили и сроки репатриации – с 27 июня по 15 августа, с 15 августа по 15 октября, с 15 октября по 15 ноября. На первом этапе подлежали вывозу нетрудоспособные военнопленные и интернированные бывшие военнослужащие армии Вермахта, в основном немцы; на втором – военнопленные японцы, корейцы, монголы, китайцы²¹; на третьем – румыны, венгры, австрийцы (подданные Германии)²². В июле 1946 г. были репатриированы интернированные немцы (независимо от подданства), а также венгры, австрийцы и румыны, подданные этих государств. Независимо от физического состояния в этот период репатриировались только военнопленные венгры (Постановление Совета министров СССР от 13 мая 1947 г. № 1521-402) и военнопленные австрийцы (Постановление Совета министров СССР от 13.05.1947 г. № 2773-877сс).

Вновь созданные отборочные комиссии при Управлениях лагерей констатировали достаточно безрадостную картину по физическому состоянию подневольного, прежде всего японского, контингента. Так, например, в лагерях для военнопленных Алтайского края, где к 1946 году было сосредоточено более 13 тысяч военнопленных японцев, 6486 человек (49,4 % от их общего числа) состояли в так называемых оздоровительных командах. В лагерях Кемеровской области больных и длительно нетрудоспособных насчитывалось 2003 чел. (или 31,8 % от общего числа военнопленных японской национальности)²³. Установленная же в 1946 году ГУПВИ МВД СССР “общесоюзная государственная разнарядка” рекомендовала к вывозу из лагерей Алтайского края только 2 тысячи человек (30,8 % от общего числа больных и нетрудоспособных)²⁴. Соответственно в Кемеровской области по плану предстояло репатриировать до 600 военнопленных или 26,5 % от общего числа нетрудоспособного контингента²⁵. Председатели отборочных комиссий на местах требовали от ГУПВИ МВД СССР значительно увеличить квоты на отправку больных японцев. В целях более полного освобождения лагерей от нетрудоспособного контингента заместителем

начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-майором Рагушным приказом от 21.05.1946 г. за № 8/4 было принято решение все поступающие заявки на репатриацию военнопленных в зависимости от наличия в регионе ресурсов удовлетворять полностью²⁶. Но численность все увеличивающегося нетрудоспособного контингента в западносибирском регионе значительно превышала количество мест в формирующихся для репатриации эшелонах. В первую очередь выбор пал на тяжелых больных, но в то же время могущих перенести дорогу. Больных размещали в вагонах в зависимости от физического состояния. Действовало категорическое правило: “Границу не должен пересечь ни один покойник”.

Итак, освобождение больных военнопленных бывшей Квантунской армии началось в июне 1946 года. Всего из регионов Западной Сибири было сформировано 10 эшелонов с репатрируемые японскими военнопленными. На предмет соблюдения санитарных норм по пути следования эшелоны подвергались проверке в г. Красноярске, донесения по выявленным при проверке недостаткам незамедлительно передавались в г. Москву. На данном этапе репатриация японских военнопленных из западносибирских лагерей в основном закончилась к ноябрю 1946 года. Всего из лагерей Алтайского края в Посьет было вывезено – 3313 чел., лагерей Кемеровской области – 752 чел.²⁷. Уже в Посьете в спецгоспиталях погибли 114 военнопленных японцев, в основном страдающих алиментарной дистрофией III степени. В лагерях Алтайского края оставались более 300 военнопленных Квантунской армии, нуждающихся в срочной репатриации²⁸. В свою очередь в тыловые западносибирские лагеря было ввезено 8500 здоровых военнопленных, отправка которых была несколько затруднена из-за наличия в Северной Корее “формы № 30 (холеры)”²⁹.

В августе 1946 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР за № 1653-726/с от 27 июня 1946 г. органы МВД СССР, промышленные предприятия Западной Сибири в организованном порядке приступили к отправке в Германию из рабочих батальонов транспортных нетрудоспособных интернированных немцев, неизлечимо больных алиментарной дистрофией и туберкулезом, инвалидов, беременных женщин и детей³⁰. Количество депортированных немецких и польских женщин, считавших, что рождение детей или беременность дает реальный шанс для возвращения на родину, с каждым годом увеличивалось. Поэтому их отправку производили целыми семьями. Предполагалось, что немцы, поляки, словаки, украинцы, румыны, латыши из рабочих батальонов будут полностью репатриированы до 15 октября 1946 года. Из ОРБ № 1104 (Кемеровская область) всего за несколько месяцев (вторая половина 1946 – начало 1947 года) было репатриировано

через лагеря № 36, 186, 284 около 300 интернированных гражданских лиц³¹. В 1946 году был расформирован рабочий батальон, состоящий из военнопленных и интернированных немцев в тресте “Анжероуголь”, а его личный состав, к этому времени окончательно утративший работоспособность, был отправлен обратно на родину³².

Всех отправляемых обеспечили исправной одеждой, нательным бельём, обувью и продовольствием. При этом репатрируемый получал по одному комплекту зимней одежды и постельных принадлежностей, 2 пары белья и месячный запас продовольствия на весь путь следования. Отpravку людей осуществляли в утеплённых вагонах, предназначенных для перевозки людей в зимних условиях, обеспечив при этом снабжение эшелонов в пути медикаментами, топливом и необходимым бытовым инвентарем. Организация охраны и питания военнопленных была возложена на местные органы МВД³³. В пути следования до места назначения для них было организовано медико-санитарное обслуживание. Однако полностью ОРБ-1104 был расформирован на основании приказа МВД СССР № 00770 от 13 августа 1949 года, а контингент интернированных в октябре 1949 г. Практически в полном составе репатрирован на родину. Оставшиеся интернированные иностранные граждане, требующие оперативной фильтрации, в ноябре 1949 года отправлены в лагерь № 27 МВД СССР (Московская область)³⁴.

Так как в постановлениях советского правительства неоднократно подчеркивалась необходимость пополнения трудовых ресурсов из числа военнопленных и интернированных и всемерное, эффективное использование их в восстановлении и развитии народного хозяйства, то лагерное руководство и промышленные предприятия Западной Сибири стремились своевременно заменить неработоспособный контингент на здоровый. Хозорганы получили возможность пополнения рабочих кадров за счёт высококвалифицированных специалистов, ввозимых в СССР из специальных лагерей и тюрем Германии, находящихся в советской зоне оккупации. Порядок ввоза трудоспособного контингента регулировало Постановление Совета Министров СССР за № 2728-124 с/с от 23 декабря 1946 г., на основании которого уже в январе-феврале 1947 года промышленные предприятия Западной Сибири во многом решили кадровую проблему. По плану было намечено к вывозу из Германии для использования на предприятиях угольной промышленности Кузбасса 9500 военнопленных. Руководство МВД СССР разрешило угольным предприятиям взамен ввозимых в СССР квалифицированных немцев отправить в Германию такое же количество непригодных к труду из числа военнопленных и интернированных лиц. В соответствии с приказом министерства угольной промышленности СССР за № 190 с/с от 30 декабря 1946 г. комбинату “Кузбассу-

голь” передавалось 5500 немцев, комбинат “Кемеровоуголь” получал соответственно - 4000 человек, которые в основном направлялись на добычу угля и капитальное строительство³⁵. В рамках данного приказа до 1 апреля 1947 г. все военнопленные, занятые на подземных работах шахт третьей категории и внекатегорийных шахтах, были заменены как вольнонаемными кадровыми, так и военнопленными квалифицированными рабочими. Не обладающий профессиональными навыками и производственной квалификацией лагерный контингент стал использоваться на других промышленных объектах Кемеровской области, на сельхозработах подсобных хозяйств или в качестве лагерной obsługi. Наиболее ослабленных перевели в качестве чернорабочих на строительные и подсобные работы³⁶.

В целях укрепления политико-морального состояния немецких военнопленных и стимулирования их производительности труда директивой МВД СССР за № 102 “Об индивидуальной отправке на родину лучших отличников-производственников немцев” от 29 мая 1947 г. предписывалось в первую очередь отправлять на родину лучших производственников-антифашистов. Для этого начальником политотдела совместно с начальником ГУПВИ ежемесячно составлялась разрядка, утверждаемая начальником УМВД. В свою очередь, начальники лагерей, получившие лимит на отправку людей, определяли кандидатов из числа самых передовых антифашистов-производственников и направляли в политотдел лагерей для рассмотрения и утверждения их характеристики³⁷.

В отличие от 1946 г. репатриация в 1947 года из лагерей на родину тщательно отобранных кандидатов производилась так, чтобы об этом знали все военнопленные. Приказ с приложением характеристик освобождаемых из лагерей рекомендовалось публиковать в газете Политотдела ГУПВИ МВД СССР “Нах-рихтен”³⁸. В мае 1947 г. из Кузбасса и Новосибирской области в Германию были отправлены 40 военнопленных немцев-отличников производства³⁹. При этом деньги, заработанные репатрируемыми, на руки почти не выдавались. Часть из них по безналичному расчету разрешалось израсходовать на приобретение предметов личного обихода через ларьки при лагерях МВД для военнопленных. Оставшиеся неиспользованные суммы перечислялись на текущие счета МВД-УМВД, на которых они и должны были храниться вплоть до особого распоряжения⁴⁰.

За период 1946-1947 гг. из лагерей, ОРБ и спецгоспиталей были освобождены 11 тыс. военнопленных и интернированных⁴¹. Начиная с 1947 г. репатриация иностранцев на родину проводилась в плановом порядке вплоть до ее окончания, иногда целыми лаготделениями, до полной ликвидации лагерей.

Процессу репатриации в 1948-1949 годы предшествовала серьезная работа. Управление МВД

СССР откомандировало в лагеря ответственных работников ОПВИ и Политотдела для осуществления подготовительной работы. Руководством и политотделами лагерей была значительно усилена политическая работа, направленная по своему идейному содержанию на разъяснение преимуществ советской социалистической общественной системы перед капитализмом, на достижение преимуществ СССР в области промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, сущности внешней политики СССР, на подготовку репатрируемых к «активному участию в общественно-политической жизни своих стран на стороне демократических сил». С этой целью политотделами лагерей проводились собрания партактивов и партийных организаций, на которых обсуждались задачи политического обеспечения репатриации военнопленных и интернированных, приказы и директивы МВД СССР. Перед отправкой военнопленных на родину в обязательном порядке собирался митинг с пафосными резолюциями. Тщательно отредактированные воззвания, письма в адрес советского правительства и высказывания военнопленных регулярно публиковались в лагерной периодической печати⁴². В политической работе в среде военнопленных политотделы лагерей опирались на антифашистские комитеты. Как указывалось в итоговых сводках и отчетах, проведенная репатриация не снизила морального состояния основной массы военнопленных, не повлекла за собой резкого снижения их производительности труда. Однако, судя по донесениям, поступающим в оперотделы западносибирских лагерей в 1949 г. резко увеличились негативные настроения в среде военнопленных, неподлежащих репатриации по различным политическим мотивам и потерявших надежду на возвращение. Это выражалось в различных формах профашистской агитации и пропаганды, отказе от работы, отчетливом снижении производительности труда⁴³. Существенно возросло число самоубийств⁴⁴. Многие военнопленные открыто и громко заявляли о своем протесте и отказе от работы, а также о намерении бежать из лагеря, как только представится такая возможность. Только в одном из лагерных отделений режимного лагеря № 464, дислоцировавшегося в Кемеровской области, с открытыми угрозами в адрес Советского правительства выступили 73 человека⁴⁵. Приведем лишь некоторые из них. «Вопросами репатриации военнопленных Советский Союз занимается мало, а занимается использованием нас как рабочей силы. Мы сами виноваты, что так долго находимся здесь. Если бы мы плохо работали – нас давно бы выгнали» (военнопленный Фриц Рихард). «Верить русским офицерам нельзя, они неправду говорят, на каждом шагу обманывают нас. Такое же поведение и антифашистского комитета. Они тоже занимаются «замазыванием» глаз военнопленным. Хватит слушать их сложную пропаганду. Давно пора их повесить. Нам в про-

шлом году обещали родину. Прошел год. В этом году тоже обещали отправить. Но уже сентябрь, а нас еще много здесь. И, по-видимому, мы останемся в лагере. Им нужна только наша работа. Мы будем работать только до конца октября, а потом бросаем работу... И тогда посмотрим, что из этого получится» (военнопленный Мюллер)⁴⁶. «Мы должны забастовать. Это быстрее решит нашу судьбу» (военнопленный Шламбергер). «Было бы несколько противотанковых гранат, пустить бы их по вышкам! Я очень интересуюсь, кто после 1 января 1950 года еще будет работать» (военнопленный Клейн Ганс). «Я, например, с 1 января 1950 года больше не работаю. Пусть делают со мной, что хотят!» (военнопленный Вурм Адольф)⁴⁷.

В отличие от предыдущих лет проведение репатриации 1948-1949 годов имело свои особенности. Во-первых, в 1948-1949 гг. в основном предстояло репатриировать физически здоровых военнопленных и интернированных, представляющих полноценную рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве, таким образом, чтобы вывод военнопленных с основного производства не отразился на нормальной работе предприятий. С этой целью на промышленных объектах создавался строгий график плановой замены подневольного контингента на вольнонаемных рабочих.

Во-вторых, репатриация должна была коснуться основной массы контингента лагерей, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов, то есть, по сути, привести к их к их полной ликвидации. Это потребовало значительного задействования не только финансовых, материальных, но и людских ресурсов. Поэтому при составлении планов на репатриацию учитывались значимость промышленных объектов, на которых работали военнопленные, и максимальное сокращение расходов на содержание лагерного аппарата и контингента⁴⁸.

Еще одной важнейшей задачей, которую предстояло решать в ходе репатриации – это сохранение государственной тайны. В этой связи оперативные отделы лагерей проводили тщательные обыски военнопленных дабы «не ушли никакие-нибудь письменные материалы, документы, фотографии или рисунки, содержащие секретные сведения». Следовало принять самые серьезные меры к тому, чтобы любые сведения, представляющие интерес для «вражеских разведок», «не ушли бы с военнопленными, даже в их памяти»⁴⁹.

В декабре 1949 года планировалось закончить репатриацию всех военнопленных германской и японской армий, а также интернированных гражданских лиц, мобилизованных в отдельные рабочие батальоны. В связи с этим в конце ноября заместитель министра внутренних дел СССР И. Серов дал указание в регионы не позднее 12 декабря «тщательно проверить, не осталось ли на территории республик, краев и областей отдельных военнопленных и интернированных, не охваченных учетом по различным причинам».

Несмотря на то, что все случаи отклонения от

норм репатриации на протяжении 1945-1950 годов безоговорочно рассматривались и обсуждались в ОПВИ УМВД по краям и областям, тем не менее, случаи халатного отношения к своим обязанностям со стороны начальников САНО, лагерей и лагерных отделений, нарушение директив и приказов ГУПВИ МВД СССР имели место. Рассмотрим наиболее характерные из них. Достаточно распространенным явлением в западносибирском регионе при подготовке к репатриации лагерного контингента являлись, прежде всего, его неправильное комиссование и отбор. Так, например, начальник санитарного отделения лагеря № 525 (г. Сталиноск Кемеровской области) «преступно неправильно комиссовал военнопленных немцев, в результате чего на станции Тайга было снято с эшелона 38 человек (из 170 следовавших) первой и второй групп трудоспособности»⁵⁰. Комиссия ГУПВИ МВД СССР 11 июля 1946 года установила факт того, что начальник центрального лазарета лагеря № 503 (г. Кемерово) «самоустранился от отбора этой категории военнопленных для отправки на родину», а начальник лаготделения № 2 лагеря МВД № 503 «откомиссовал на родину немцев из совершенно здорового контингента, в результате чего 50 % военнопленных были сняты с эшелона, следовавшего во Франкфурт-на-Одере»⁵¹. В нарушение инструкций и приказов в эшелоне № 98025, следовавшим из Кемерово через Новосибирск на запад, были размещены нетранспортабельные тяжелобольные немцы, большая часть из которых (несмотря на значительный запас провианта) погибли в пути. Ответственный за формирование эшелона капитан Христус был арестован, а руководители МВД Кемеровской и Новосибирской областей строго предупреждены об ответственности за каждый случай смерти военнопленного в пути⁵². В результате недостаточного медико-санитарного обеспечения после прибытия во Франкфурт-на-Одере эшелона № 98280 (лагерь МВД № 525, Кемеровская область) из 1947 военнопленных – 151 были помещены в лазарет и 57 чел. госпитализированы, а один из них скончался⁵³.

При формировании эшелонов часто практиковалась выдача некачественных и скоропортящихся продуктов питания. Так, эшелон № 98111 лагеря № 503, сформированный в Кемеровской области, был обеспечен неликвидным продовольствием, что могло привести к массовому отравлению людей⁵⁴.

Еще одним серьезным нарушением в процессе проведения репатриации являлось недостаточная (иногда и полностью отсутствующая) санитарная обработка военнопленных перед погрузкой в эшелоны, в результате чего, часть из них были задержаны в пути. Например, в результате нарушений санитарных норм в эшелоне № 98404 (лагерь МВД № 199, Новосибирская область) военнопленные были лишены возможности качественного питания. В эшелоне № 98248 (лагерь № 503, Кемеровская область) отсутство-

вал достаточный запас питьевой воды⁵⁵.

Приказы и инструкции рекомендовали отправлять военнопленных небольшими партиями. Однако это правило соблюдалось достаточно редко. Бывший солдат вермахта Рольф Ниггеман вспоминал: «...По территории Советского Союза мы ехали в вагонах по 100-150 человек в каждом, туалет был один, в середине вагона. Но по дороге домой такие мелочи за неприятности не считались. Нас довели до Франкфурга-на-Одере, откуда уже отправили по домам»⁵⁶.

Не всегда достаточно серьезно подходили к комплектованию сопровождения и охраны эшелонов начальники УМВД по краям и областям, поэтому случаи пьянства, спекуляции, мошенничества, а то и откровенного воровства имели место. Так, в августе 1946 г. сопровождающим эшелон № 98955 с военнопленными японцами из лагерей Алтайского края начальнику эшелона, его заместителям и начальнику САНО удалось «сэкономить» часть продуктов питания, предназначенных для японцев. За время следования в пути было продано на станциях 36 мешков риса (2 300 кг) и иных продуктов на сумму 11 500 руб. Кроме того, преступная группа «укрыла» от сдачи в лагерь, так называемых «излишков» в количестве 1100 кг риса, 50 кг меда, 30 банок рыбных консервов. Похищенное продовольствие погрузили в вагон конвоя, чтобы продать его на обратном пути⁵⁷.

В результате плохой организации режима и охраны при погрузке контингента лагерей в эшелоны проникали военнопленные и гражданские лица, пытавшиеся нелегально пересечь границу⁵⁸. Например, в ноябре 1948 года из списка иностранных граждан, подлежащих освобождению (лагерь № 199, г. Новосибирск), были исключены 26 немецких офицеров, большая часть из которых впоследствии была осуждена судом Военного трибунала и направлена отбывать свой срок в офицерский лагерь № 27 в Красногорске⁵⁹. В мае 1949 года с эшелона № 98111, следующего из Кемеровской области, было снято четверо военнопленных, «из коих военнопленный Яхман – как подозреваемый в принадлежности к советскому гражданству, а Шредер, Лерех и Фест – как служившие в частях СС»⁶⁰. В результате неудовлетворительного проведения обысков военнопленные пытались провести за границу советскую валюту. Так, в Бресте при проверке эшелона, следовавшего из Новосибирской области, у военнопленных было изъято советской валюты на сумму более 4 тысяч рублей⁶¹.

Реакция со стороны МВД СССР на информацию о различного рода нарушениях была незамедлительной. На основании распоряжения МВД СССР (№ 436), в котором указывалось на необходимость обеспечения условий содержания, питания военнопленных, усиления контроля и проверки состояния эшелонов на пограничных станциях и в пути следования, все отрицательные проявления выявлялись, а виновные подлежали в зависимости от тяжести проступка обязательному наказанию. Например,

приказом начальника Управления УМВД Кемеровской области генерал-майора Шамарина начальники Управлений лагерей №№ 503, 525 и 526, начальники санотделов и спецгоспиталей были строго предупреждены о том, что если с их стороны не будет осуществляться самый действенный контроль по выполнению инструкций и директивных указаний, то к виновным будут применимы “самые строгие меры и дисциплинарные взыскания”⁶².

Таким образом, репатриация военнопленных из лагерей, спецгоспиталей и отдельного рабочего батальона, расположенных на территории Западной Сибири, носила многоплановый и широкомащтабный характер. Например, за период 1945-1947 годы, когда производилась репатриация на родину большого, нетрудоспособного контингента, было вывезено 15485 военнопленных и интернированных. В том числе: из лагеря № 503 – 6342 чел.; из лагеря № 525 – 3834 чел., из лагеря № 526 – 3304 чел. Однако большинство военнопленных и интернированных репатрировано в 1948-1949 годы – 26344 чел. В том числе: из лагеря № 503 – 11359 чел.; из лагеря № 525 – 11416 чел.; из лагеря № 526 – 605 чел.; ОРБ-1104 – 1086; из режимного лагеря 464 (Кемеровская область) – 1765 чел.; из спецгоспиталя № 1407 – 113 чел.⁶³. Всем репатрируемым военнопленным были возвращены их личные вещи, выдано причитающееся за добросовестный труд денежное вознаграждение. Часть военнопленных и интернированных получили при расчете в период репатриации от 1000 до 2000 рублей, а некоторые военнопленные, добывавшие в шахтах уголь, смогли заработать до 10 тысяч рублей. В лаготделениях была организована торговля продуктами питания и промышленными товарами, в ходе которой отбывающие на родину приобретали себе пальто, костюмы, часы и даже аккордеоны⁶⁴. Последняя партия военнопленных и интернированных, подлежащих репатриации в количестве 1494 чел., была отправлена на родину в 1950 году. То есть, только из лагерей Кемеровской области в течение 1945-1949 годов было репатрировано 43323 человека военнопленных и интернированных. Лагеря для военнопленных МВД СССР, расположенные на территории Алтайского края, Новосибирской и Тюменской областей, были ликвидированы на протяжении 1948-1949 годов, а контингент осужденных как военных преступников был передан в режимные лагеря, находящиеся на территории Свердловской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 01 е. Д. 46. Л. 269-274. (Постановление ГОКО СССР № 891сс “О распределении военнопленных и мероприятиях трудоустройства и о частичном освобождении из лагерей МВД и спецгоспиталей инвалидов, хронических больных, резко ослабленных и длительно нетрудоспособных военнопленных” от 04.06.1945 г.; Постановление СНК СССР № 1497-341 “Об утверждении соглашения о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем советских и французских

властей” от 26.06.1945 г.; Постановление ГОКО № 9843сс “Об освобождении и отправке на родину 708 000 военнопленных рядового и унтер-офицерского состава, находящихся в районах бывших фронтов” от 13.08.1945 г.; Постановление СНК СССР № 2315-599сс “Об освобождении 40 000 военнопленных румын, солдат и унтер-офицеров, сняв их с работы наркоматов” от 11.09.1945 г.; Докладная записка Наркома внутренних дел Л. П. Берия И. В. Сталину с предложениями о репатриации нетрудоспособных военнопленных от 10.08.1945 г.; Директива Народного комиссара внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей “О порядке отправки на родину военнопленных” от 13.09.1945 г. и др.)

2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА) Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 345. Л. 52-54.
3. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 352. Л. 100-101.
4. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 354. Л. 6-7.
5. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 109. Л. 4, 14, 25, 26.
6. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 07 е. Д. 138. Л. 30-65 (все с об.), 67, 87-87 (об.), 88, 91, 93, 115, 234, 242, 251, 265, 283.
7. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940-1950-е годы): Документы, факты, комментарии / Сост., автор предисловий и примеч. Н. Ф. Бугай; автор комментариев В. Б. Конасов. - М.: Готика, 2001. - с. 29, 32.
8. См., например, Директива Народного комиссара внутренних дел СССР № 138 Народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей “О порядке репатриации военнопленных, использовавшихся в качестве лагерных агентов и осведомителей” от 18.08.1945 г. Опубликовано: Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР: Документы и материалы. 1941-1945 гг. Т. 24 (13-2). - Москва: ТЕРРА, 1999. - С. 367-368.
9. См., например, Директива Народного комиссара внутренних дел СССР № 136 Народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей “Об усилении агентурной работы по выявлению лиц, проводивших среди военнопленных антисоветскую деятельность” от 15.08.1945 г. Опубликовано: Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР: Документы и материалы. 1941-1945 гг. Т. 24 (13-2). - Москва: ТЕРРА, 1999. - С. 366-367.
10. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 109. Л. 14.
11. См.: Архив информационного центра ГУВД Алтайского края (далее - Архив ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. оп. 1. Д. 21. Л. 193, 199.
12. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 07 е. Д. 138. Л. 87-87 (об.).
13. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 07 е. Д. 34. Л. 35, 48, 49, 56-61; Д. 138. Л. 60-62 (все с об.), 63-65 (все с об.), 88, 91, 93, 115, 193.
14. Там же, Л. 193.
15. Архив Информационного центра ГУВД Кемеровской области (далее – Архив ИЦ ГУВД КО) Ф. 11. Коробка 7. Д. 3. Л. 36.
16. См., например, Приказ № 0015 от 08.01.1946 г., Директива № 102 от 24.04.1946 г. “Об освобождении из лагерей и спецгоспиталей военнопленных немецкой национальности”; Распоряжение МВД № 110 от 30.04.1946 г. “Об освобождении военнопленных евреев”; Приказ № 00611 от 27.06.1946 г. “Об отправке на родину военнопленных немцев”; Приказ № 0374 от 05.11.1946 г. “Об отправке на родину военнопленных румынской национальности”; Приказ № 001042 от 28.11.1946 г. “Об отправке на родину военнопленных австрийской национальности” и др. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 01 е. Д. 46. Л. 269-274. (Справка 4-го отдела 1-го Управления ГУПВИ МВД СССР об освобождении и репатриации военнопленных и интернированных из лагерей МВД и спецгоспиталей по постановлениям ГКО, СНК и СМ СССР

- с 1 июня 1945 г. по сентябрь 1945 г. от 1.12.1948 г.).
17. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 14. Л. 327-333.
  18. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 17. Л. 113-117.
  19. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 14. Л. 338.
  20. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 14. Л. 318-321. (Приложение к Приказу министра внутренних дел Союза ССР от 31 июля 1946 г. № 00731-1946 г. "Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев, содержащихся в рабочих батальонах").
  21. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 735. Л. 15-18. (Приказ МВД СССР № 00385 от 4 мая 1946 г. "О вывозе в Корею из лагерей МВД 20 тыс. больных военнопленных японцев и завозе из Кореи в лагеря МВД 22 тыс. здоровых военнопленных японцев"); Приказ МВД СССР № 00916 от 11 октября 1946 г. "О репатриации из СССР японских военнопленных". Опубликовано: Военнопленные в СССР. 1939 - 1956: Документы и материалы / Сост. М. М. Загорюлько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; Под ред. М. М. Загорюлько. - М.: Логос, 2000. - С. 915-816.
  22. Телеграфное распоряжение МВД СССР № 112 от 22 мая 1946 г. "Об отправке на родину военнопленных не немецкой национальности"; Постановление Совета Министров Союза ССР "Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей"; Приказ МВД СССР № 0374 от 5.11.1946 г. "Об отправке на родину военнопленных румынской национальности"; Приказ МВД СССР № 001042 от 28.11.1946 г. "Об отправке на родину военнопленных австрийской национальности". Опубликовано: Военнопленные в СССР. 1939 - 1956: Документы и материалы. - С. 813-814, 815-816, 820-826.
  23. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 11 з. Д. 17. Л. 1-2.
  24. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 14 з. Д. 9. Л. 182-183.
  25. Там же, л. 115-116.
  26. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 11 з. Д. 17. Л. 28.
  27. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 331. Л. 41-44.
  28. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 353. Л. 7-8.
  29. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 11 з. Д. 13. Л. 104-105.
  30. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940-1950-е годы). - С. 118-119.
  31. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 23 а. Д. 1. Л. 64-66.
  32. Государственный архив Кемеровской области (далее - ГАКО). Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 34. Л. 226-227.
  33. ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 4. Д. 43. Л. 13-14.
  34. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940-1950-е годы). - С. 51-52.
  35. ГАКО. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 22. Л. 40; Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 49. Л. 2-3.
  36. ГАКО. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 22. Л. 40-41.
  37. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 15. Д. 205. Л. 408.
  38. Там же, Л. 409.
  39. Там же, Л. 410, 411.
  40. Там же, Л. 388.
  41. Подсчитано по: РГВА. Ф. 32 п. Оп. 10. Д. 16. Л. 3-53; Оп. 07 е. Д. 34. Л. 78-104; Д. 138. Л. 155-205.
  42. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 10 и. Д. 1. Л. 15-18.
  43. РГВА. Ф. 1 п. оп. 17 з. д. 2. л. 64 (Конспект доклада о медико-санитарном обслуживании военнопленных лагерей МВД СССР за 1941-1947 годы).
  44. РГВА. Ф. 1 п. оп. 15 а. д. 352. л. 66.
  45. РГВА. Ф. 1 п. оп. 15 а. д. 331. л. 68.
  46. РГВА. Ф. 1 п. оп. 15 а. д. 352. л. 70.
  47. РГВА. Ф. 1 п. оп. 15 а. д. 352. л. 69.
  48. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД - МВД СССР. 1941 - 1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. / Сост. М. М. Загорюлько, К. К. Миронова, Л. А. Пылова и др. Под ред. Проф. М. М. Загорюлько. - Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. - С. 551-552.
  49. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 347. Л. 101.
  50. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 17. Л. 113-117.
  51. Там же, л. 115-116.
  52. Букин С. С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944-1948 гг. - Новосибирск: Издательство "Гуманитарные технологии", 2000. - с. 43-44.
  53. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД - МВД СССР. 1941 - 1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. - С. 950.
  54. Военнопленные в СССР. 1939 - 1956: Документы и материалы. - С. 207-208.
  55. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД - МВД СССР. 1941 - 1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. - С. 951.
  56. Niggeman Rolf. Lager № 525 (Воспоминания присланы из Германии по просьбе автора статьи. Рукопись используется с разрешения Р. Нигемана).
  57. (ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 7 (об.)).
  58. 1п. Оп. 8 и. Д. 5. Л. 81-100.
  59. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 07 е. Д. 821. Л. 118-119.
  60. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940-1950-е годы). - с. 215.
  61. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД - МВД СССР. 1941 - 1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. - С. 555.
  62. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 17. Л. 117-118.
  63. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 07 е. Д. 924. Л. 88-89.
  64. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 07 е. Д. 1017. Том. 1. Л. 157-158.

THE REPATRIATION OF FOREIGN PRISONERS OF WORLD WAR II FROM CONCENTRATION CAMPS IN WESTERN SIBERIA (1945-1950s)

© 2009 N.M. Markdorf

Kemerovo State University, Novokuznetsk Branch

The author analyzes peculiarities and specific state and regional politics concerning some problems of foreign prisoners' repatriation from concentration camps and hospitals located in Western Siberia (1945-1955) to Europe and Japan during and after World War II. On the basis of central and local archive documents the main stages of the repatriation and their specific peculiarities, ups and downs, are shown. The amount and ethnic composition of World War II prisoners, working battalions' members, who had been freed from the MVD Siberian camps in 1945-1950, are studied. There were war prisoners of more than 20 nationalities in Western Siberia, who were repatriated to Europe and Japan. The repatriation process started just after the end of the war in Europe, the last war prisoners left Western Siberia in 1956.

Key words: war prisoner, repatriation, internee, NKVD-MVD camps, Western Siberia, Germans, Romanians, Hungarians, Japanese, Chinese, special hospitals, working battalions.